

УДК 811.161.1

Типы межличностных ритуалов в современной России***Виноградова Т.Ю.***

Кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета

Переведенцева Н.С.

Магистр кафедры современного русского языка и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена описанию типов и структуры коммуникативных ритуалов в современном российском обществе. Ритуал рассматривается как способ организации общественного бытия, как одно из условий существования социума, выявляются механизмы воздействия стереотипного поведения на формирование сознания индивида.

Ключевые слова: ритуал, стереотип, коммуникация.

Современное языкознание не дает четкого определения, а уж тем более разграничения коммуникативных процессов, основа которых лежит в культурных традициях, а если смотреть глубже, то и в генетическом коде, в подсознании человека. Сетка таких процессов структурирует межличностное общение, которое создается под влиянием психологических, социальных, этических, эстетических и лингвистических норм [1]. Причем это нормы генетические, то есть отчужденные от конкретных носителей и зафиксированные в знаковой форме, передаваемой путем речевой деятельности. «Стереотипы, устойчивые формулы не возникают заново в каждом акте речи, а воспроизводятся как единицы, отложившиеся и хранящиеся в нашем языковом сознании в виде своеобразного фонда готовых типизированных фраз» [2, с. 18]. Но правила и нормы общения не ограничиваются речевыми штампами и клише. Язык общества как живая система находит новые каналы коммуникации, лишь придерживаясь установленных законов этикета. Ритуализация общения позволяет создавать новые структуры вербальных и невербальных сигналов. Все языковые ритуалы в той или иной мере инструментальны. Только в

разных позициях используются разные средства и сценарии ритуалов. К средствам ритуализации общения относятся три системы знаков: 1) паралингвистическая система знаков – система вокализации текста (качество голоса, диапазон, тональность); 2) экстралингвистическая система знаков – включение в речь пауз, покашливаний, плача, смеха; темп речи, молчание и т.п.; 3) собственно лингвистическая – интертекстуальность, намеки, цитаты, культурные семы и т.п.

Таким образом, под воздействием всех вышеописанных факторов в языковом поведении выделяются следующие большие группы структур, входящих в ритуал: символическая сторона ритуалов (референциальная), ценностная сторона (информационная, семантическая), операционная сторона (собственно лингвистическая), ролевая сторона ритуалов (классификация приводится с опорой на идеи В. Тэрнэра – см. подробнее: [3]). Рассмотрим каждую из перечисленных сторон.

1. Символическая сторона ритуалов. Ритуальный символ (по мнению Тэрнэра [3]) – мельчайшая единица ритуала, сохраняющая специфические особенности ритуального поведения. Знак ритуала как

психолингвистическая единица включает в себе три смысла: явный смысл, относящийся к эксплицитным целям ритуала и полностью осознаваемый исполнителями; латентный смысл, находящийся на грани сознания субъекта, но способный быть осознанным; скрытый смысл, полностью бессознательный и относящийся к базовому опыту, общему для данной языковой культуры.

Значение слова – это не просто изолированный заместитель денотата, а член семантической системы, и его внутренняя структура связана с его отношением к другим членам этой системы. Иначе говоря, значение слова – это необходимый знак в ритуале, который входит в его инструментальный набор. Посредством знаков совершаются необходимые операции ритуалов.

2. Ценностная сторона ритуалов. С этой позиции ритуальной деятельности происходит передача информации о важнейших ценностях и их иерархии. Здесь можно выделить два основных типа ритуала, которые, так или иначе, проявляются в процессе коммуникации: 1) Ритуал конкуренции (оппозиция, конфликт). В ритуале конкуренции используется определенный набор ходов: ход заманивания оппонента (из диалога девушки и молодого человека: *Я тебя не разбудила? Извини, если так. – Нет, а рассчитывала?*); ход выжидания (сюда входят паралингвистические и экстралингвистические факторы); ход демонстрации ложной цели; ход демонстрации истинной цели; ход демонстрации множества целей; ход ложного согласия; ход понижения статуса (связан с нарушением табу, использованием инвективной лексики). 2) Ритуал кооперации (координация единичных сил участников). Он, в свою очередь, разделяется на ходы: ход повышения статуса; ход обмена статусами; ход исповеди; деловой этикет (об этом подробнее см.: [4]).

В Татарстане очень часто используется ход обмена статусами. Это происходит из-за соприкосновения двух разных культур в коммуникации. Они стремятся объединиться путем попеременного обмена знаками обоих языков («*Как хэллэр?*»). Происходит смещение коммуникативного центра на границу между двумя языками («*Самая матур из всех матур*», «*именно шулай*»). Мы уже не говорим о том, что русские часто говорят «*айда*» и «*айдагыз*», что совершенно не понятно за границами республики. Такой сигнал коммуниканта говорит: «Я принимаю правила игры, я побуду с тобой "одной крови"».

3. Операционная сторона ритуалов представляет собой совокупность речевых средств, посредством которых совершаются ритуалы. Здесь можно выделить следующие ритуалы: 1) Одноактные ритуалы (носят контактоустанавливающую функцию, функцию ориентировки). Эта функция языка проявляется в таких речевых актах, когда говорящий обращает на себя внимание собеседника, но дистан-

цируется от него намерением не продолжать беседу после двух-трех реплик («*Как дела?*»; «*Который час?*»; «*Можно пройти?*» и т.п.); 2) Расширенные ритуалы (то есть одноактные + не входящие в них существенные для семантической структуры предложения, компоненты). Специфика ритуала состоит в том, что он выражает актуализированное информативное содержание: дает название какой-то ситуации, одновременно оценивая её реальность/ирреальность, её расположенность во времени относительно акта речи. С этим типом межличностных ритуалов связаны информативная функция и волюнтивная. Ярче всего такое предназначение языка проявляется в коммуникативных актах просьбы, приглашения, разрешения, совета, предложения. Часто также такие типы ритуалов бывают связаны с фрустрирующей ситуацией, а именно с ситуацией обвинения или препятствия. В этом типе ритуала чаще всего можно встретить ненормативную лексику, связанную с нарушением табу и понижением статуса собеседника (*Он подошел к лениво курящим, голым по пояс братьям и сказал тихо, но четко: – Даю вам два дня сроку, ублюдки! Чтобы в понедельник духу вашего здесь не было! Не съедете отсюда – пеняйте на себя! – Что?! – Что слышал!* (Головачев)).

Большое значение для коммуниканта приобретает выбор уровня отношений. Внимание при речевом контакте уделяется выбору обращения «Ты» или «Вы». Форма «Вы» приобрела нормативность при обращении к незнакомым людям, при соблюдении субординации между собеседниками, как выражение уважительного отношения к собеседнику. Это отношение может выражаться и в формах составных глагольных сказуемых. Причем вторая часть этих сказуемых часто стоит в форме первого лица множественного числа: давайте посмотрим, давайте проверим. Такие формы несут на себе коммуникативную нагрузку принятия на себя части ответственности, сигнал о том, что адресант готов вступить в акт коммуникации, где доминирующей эмоциональной сферой будет спокойствие, самоуважение.

Проведенное нами исследование показало, что слова «да» и «нет» в словесных выражениях могут проявляться в замаскированном виде, но они порой делают образ или манеру переживаний человека гораздо более очевидными, нежели прямо высказанные им утвердительные или отрицательные точки зрения. Принятие, согласие, утвердительный ответ и неприятие, отрицательный ответ могут быть выражены на различных аффективных ступенях. Здесь многое зависит от характера человека, от типа личности, к которому он принадлежит. Ещё следует отметить, что проведенное исследование (анкетирование) показало, что при одобрении в 100 % случаев используется «да» (первая ступень одобрения по Люшеру [5]), в 60 % – «согласен» и в 40 % – «точ-

но» (вторая ступень одобрения), в 30% – «очень хорошо» и в 40 % – «отлично» (третья ступень), в 5 % – «с ума сойти» (пятая ступень одобрения).

Между приятием и отрицанием располагается нерешительность. Она может быть лишена аффекта. Однако только кажущаяся нерешительность типа «*Я не знаю, но...*», как выражение эмоциональной установки, – это уже содержательный сигнал. Тот, кто говорит «*Я не знаю, но полагаю, что...*», «*Я знаю, что это глупо, но всё же...*», тот очень хорошо знает, каково его мнение, однако он опасается, что его правота не будет признана. Постоянное повторение «*Не правда ли?*», «*Вы понимаете?*» и т.п. – ни что иное как требование подтверждения.

1. Ограниченные, узуальные ритуалы. Общение в русской культуре, а особенно приветствия «Добрый день!», «Здравствуйте!» могут быть адресованы почти любому коммуниканту в любой социальной ситуации, а вот приветствия «Привет!», «Здорово!» являются узуальными, ограниченными рамками социальных и психологических отношений при общении равных по статусу коммуникантов преимущественно в неофициальной структуре. Действительно, когда мы говорим «Кого я вижу!», «Какие люди!» – у нас нет целевой установки на сообщение содержательной информации, но при этом мы сигнализируем о желании совершить межличностный ритуал, а также сообщаем собеседнику таким образом «Я рад нашей встрече, наши отношения непринужденны и т.п.». С таким типом межличностных ритуалов тесно связана номинация, употребление той или иной формы имени (Александр Петрович, Сашенька, Санёк).

Относительно форм официальных обращений следует сделать небольшие замечания. В русских речевых ритуалах принято называть постороннего человека по имени и отчеству. Только по отношению к близким или хорошо знакомым людям можно сказать «тетя Света», «дядя Саша».

2. Диффузные ритуалы. Среди типов межличностных ритуалов эта разновидность представляет наибольший интерес, поскольку такие ритуалы не зафиксированы правилами речевого этикета. Они выходят за его рамки, проникая в неформальное общение. Это уже более личный, более интимный уровень коммуникации. Он не выделяет подтипов, но представляет сплав речевых актов с драматургическими действиями носителя языка. Это может быть и игра (спонтанные действия, совершенные в присутствии других, но не скоординированные с их действиями), и соревнование (действия, совершаемые по определенным, принятым правилами, скоординированные с действиями партнеров), и т.д., но это всегда будет подсознательная ритуализация общения, связанная с архаичными ритуалами обмена и повышения/понижения статуса. В этом случае говорящий не использует речевые клише, но лишь

инстинктивно движется по этой линии, приспособившая свою речь к ситуациям общения. На грамматическом уровне выделяется спектр безличных предложений: не читается, мне думается, мне хочется и т.п. В диффузных ритуалах особенно большое внимание следует уделять контекстной ситуации. В этом плане следует отметить контекстуальное употребление слов «жаль» и «хорошо». 98 % испытуемых не различают их эмоциональной подоплеку во фрустрирующей ситуации. Для большинства «жаль» и «хорошо» означают мягкий разрыв коммуникации. Оба слова указывают на намерение говорящего не сопротивляться ситуации и, по возможности, переключиться на другой объект. Сравните: «Хорошо, я возьму вот эти две» и «Жаль, я возьму вот эти две». Вторая часть высказывания, а также выход из коммуникативного акта и фрустрирующей ситуации абсолютно идентичны. Различна лишь реакция испытуемых. Кто-то воспринимает событие спокойно, а кто-то лишь пытается это показать, испытывая психологический дискомфорт в результате неудачи.

В плане коммуникативных сигналов мы имеем следующую картину: **жаль** – «*я не могу смириться с происходящим, хотя правила общественных отношений меня к этому обязывают. Но если будет возможность найти другой выход из ситуации, я буду рад*» (в данном случае участник коммуникации ждет некоторых «поглаживаний» со стороны собеседника), **хорошо** – «*я принимаю условия игры. Для меня это не столь важно*» (здесь используется сигнал, указывающий на знание ситуации и ожидание определенного результата). Новое здесь – сами сигналы, поскольку они не предсказывают появление определенного символа, способствующего продолжению коммуникации. Высокая вероятность появления коммуникативного сигнала в диффузном типе межличностных ритуалов снижает количество вербальной информации в речи говорящего. Опора делается на знание пресуппозиции. Смысловой контакт ритуалов (диффузных, а также ограниченных) достигается лишь в случае совпадения «смысловых фокусов» порождаемого и интерпретируемого текста в ходе обмена коммуникативно-познавательной деятельностью. Временной отрезок коммуникации сокращается до пределов нескольких фраз. На этом уровне ритуал приобретает сакральный смысл. Сюда же относится языковая игра или шутка как средство создания эмоционального фона: 1. – *Не слишком ли вы шумите? – Не беспокойтесь, я постараюсь шуметь потише.* 2. – *Вам же не видно экрана! – Ничего, я сюда не кино смотреть пришел!* Компоненты смысла могут быть косвенными и скрытыми, но вместе с тем они могут быть столь же непосредственными и очевидными, как, например, какая-нибудь эмблема. По мнению некоторых авторов, имплицитная форма высказывания используется для выражения того, что по каким-то причи-

нам не может быть выражено эксплицитно. Высказывания с имплицитным содержанием являются в какой-то мере неполными и усложненными для восприятия. Имплицитный семантический компонент присутствует в высказываниях благодаря тому, что в результате мыслительной деятельности неизвестное может стать известным. Фэ Хоанг указывает на то, что в высказываниях известное является однородным по своему характеру. «Существует известное, которое прямо не высказано и не нуждается в выражении этого в пресуппозиции высказывания, наличие которого есть проявление экономии в языке» [6, с. 400]. В конкретной коммуникативной ситуации слушающий, анализируя высказывания, обращенные к нему, должен определить, что же именно хотел выразить говорящий. Например: «Эти предметы стесняли его в движениях и не только мешали Выволочнову пожать руку Николаю Николаевичу, но даже выговорить слова приветствия, здороваясь с ним. – Э-мм, – растерянно мычал он, осматриваясь по углам. – Кладите, где хотите, – сказал Николай Николаевич, вернув Выволочнову дар речи и самообладание» (Пастернак).

А.А. Леонтьев отмечает, что смысл может рассматриваться как аналог значения (в нашем случае – знака, сигнала) в конкретной деятельности или как форма реального существования значения слова в мышлении носителя языка. «Элементарные единицы синтаксиса – синтаксемы с предметным и синтаксемы с признаковым значением, вступая в предикативную связь, образуют модель предложения с определенным типовым значением. Говорящий в соответствии со смысловыми потребностями избирает нужные категориальные компоненты» (цит. по: [7, с. 104]).

Следует отметить, что взаимодействие коммуникативных культур носит, хотя и тесный, но не абсолютный характер. Это безусловная тенденция времени, здесь следует учитывать все разнообразие индивидуальных особенностей поведения людей в каждом из коллективов, не отменяя универсальных общечеловеческих черт языковой коммуникации, наличествующих в обоих коллективах.

4. Ролевая сторона (социальные роли и маски). Этот аспект хорошо разработан Э. Берном [8] и И. Гофманом [9]. В нашем исследовании он не занимает ведущей позиции, но он входит в сценарий ритуала. Ритуал без масок существовать не может. Это традиционный элемент ритуальной деятельности. Получить роль в ритуале – большая ответственность. Каждая роль характеризуется некоторыми доступными для восприятия «атрибутами», которые проявляются в таких типах ролевого поведения, как одежда, этикет, жесты, речевое поведение. Каждой роли присущ определенный набор предметов и сценариев. С предметами в этноязыковом сознании коммуниканта соотносятся предметы темы реальной действительности (денотаты). Особое место

отведено концептам. Набор концептов складывается так, что вырисовывается целая маска со своими свойствами. Так, роли обывателя соответствуют концепты воля, грех, свобода, труд и т.п. А роли делового человека – родина, совесть, право, закон.

В зависимости от ситуации общения выбирается языковое расстояние, которое устанавливает тип речевого ритуала. Составляется матрица общения, которая объединяет в себе все роли совершаемого коммуникативного акта. Вольно или невольно на протяжении своей жизни люди входят в состав тех или иных социокультурных групп. Каждая такая группа обладает своей микрокультурой в составе материнской культуры и имеет с ней как сходства, так и различия. В Татарстане эти различия вызваны той «макрокультурой», которая складывается из двух слагаемых: русской и татарской культуры. Мостиком становятся речевые ритуалы, глубоко вошедшие в языковое сознание носителей того и другого языков. Самое главное здесь то, что они основываются на традициях, на социальных настроениях, на взаимном восприятии и самовосприятии, а также на языковой, возрастной, половой, трудовой и семейной принадлежности членов общества. Культура не только влияет на коммуникацию, но и сама подвергается влиянию коммуникации. Чаще всего это происходит в процессе инкультурации, когда человек в той или иной форме коммуникации усваивает нормы и ценности культуры.

Завершая, следует отметить, что ритуал как целостная коммуникативная единица – это концентрическая система элементов, объединенных в единую замкнутую иерархическую семантико-смысловую структуру общей концепцией или коммуникативной интенцией. Природа ритуала не столько объектно-логическая, сколько интуитивная, независимо от пресуппозиции, адресата и адресанта, текста. Моделируя межличностный ритуал как сегмент презентации личности и избирая в качестве инструментальной единицы знак (простой или сложный), можно рассмотреть пласты, которые составляют основу современных ритуалов. «Презумпция структурности, вырабатываемая в результате навыка языкового общения, оказывает мощное организующее воздействие на весь комплекс коммуникативных средств. Таким образом, вся система сохранения и передачи человеческого опыта строится как некоторая концентрическая система, в центре которой расположены наиболее очевидные и последовательные структуры» [10, с. 147]. Наиболее крупными и значимыми структурами являются: 1) этикет; 2) культурные традиции. Вне контекста культуры не создается ни одного значения, ни одного коммуникативного взаимодействия. Именно пласт культуры представляет ту пресуппозицию, те фоновые знания, без которых немыслимы межличностные ритуалы. Психологический детерминант: поведе-

ние коммуникантов в структуре социальных отношений и в социальной ситуации ритуала зависит от их личностных и индивидуальных различий. Естественный язык: на познавательную деятельность накладывается «сетка» социального и исторического опыта общества, универсальным средством фиксации этого опыта является естественный язык. Без естественного языка как ядра культуры невозможно развитие общества и, особенно, создание символов идеологии того или иного времени, которые придают общению ритуализированный характер.

Следует отметить, что именно коммуникативный ритуал становится тем необходимым инструментом в руках коммуниканта, который позволяет структурировать систему общения, используя минимальный набор знаков.

Литература:

1. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988.
2. Формановская Н.И. Вы сказали: «Здравствуй!» / Речевой этикет в нашем общении. Изд. 3-е. – М.: Знание. – 160 с.
3. Тэрнэр В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1977. – 306 с.
5. Люшер М. Сигналы личности: ролевые игры и их мотивы. – Воронеж: НПО «Модэк», 1993. – 167 с.
6. Хоанг Фэ Семантика высказывания / Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. – М.: Прогресс, 1985. – 500 с.
7. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка (под общей ред. Г.А. Золотовой). – М.: Наука, 1998. – 528 с.
8. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений; люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы, 4-е изд. – М.: ООО «Попурри», 2005. – 512 с.
9. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – [перевод с англ.]. – М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 304 с.
10. Лотман Ю., Успенский Б. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1971. – 166 с.
11. Головачев В.В. Гарантирую жизнь: фантастический роман. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 448 с.
12. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. – М.: Дрофа: Вече, 2002. – 672 с.

Types of Interpersonal Rituals in Modern Russia

***T. Vinogradova, N. Perevedentseva
Kazan (Volga Region) Federal University***

The paper deals with types and structure of communicative rituals in modern Russian society. The ritual is viewed as a way of organization of social being and as one of the conditions of existence of society. The authors trace the mechanisms through which stereotypical behavior shapes consciousness of an individual.

Key words: ritual, stereotype, communication.

